

«Негодяй»? Значит, Чи Хань и впрямь так думает? Неужели в его глазах он именно такой?

У Мо Ханя снова закололо в глазах, а в горле запершило, словно туда насыпали пуд песка. Полные презрения слова Чи Наня лишили его последних сил — даже возразить не получалось.

— Что ты такое говоришь? — едва выдавил он. — С чего ты взял, что я плохой человек? По какому праву ты меня судишь?

Чи Хань так и сыпал обвинениями, на каждое у него находилось доказательство:

— А по такому! Брат погиб, а тебе хоть бы что, ни единой слезинки не проронил! Он ради тебя с кулаками на людей кидался, каждое утро завтраки тебе таскал. Забросил всё, даже школу не окончил — выставили его, я же знаю! Он ведь любил тебя, ни для кого это не было тайной. А ты просто играл им! Никогда не любил по-настоящему, тебе плевать было на его чувства!

Мо Хань оцепенел. Взгляд его остекленел, время словно остановилось. Слова Чи Наня обладали странной, сокрушительной силой — они мгновенно перенесли его в прошлое, в те дни, когда Чи Юэ был жив и так преданно любил его.

В тот раз Чи Юэ ввязался в драку с уличной шпаной. Главарь местных хулиганов, давно бросивший школу бездельник, повадился задираť приютских детей. Стоило ему завидеть Мо Ханя, как из его пасти тут же полилась грязная брань. Но едва мерзавец успел выплюнуть первое оскорбление, Чи Юэ точным ударом в челюсть заставил его проглотить все остальные слова.

Чи Юэ берёг его пуще глаза, пылинки с него сдувал и никому не позволял обидеть даже словом. Окружённый этой слепой, безграничной заботой, Мо Хань чувствовал себя в полной безопасности. Он привык вести себя капризно и своенравно, твёрдо зная: что бы ни случилось, Чи Юэ никогда его не бросит.

Но ведь его собственная любовь была ничуть не слабее той, что дарил ему Чи Юэ.

Да, он ругал Чи Юэ почём зря, глядя на его изувеченное, покрытое синяками лицо. Но стоило крикам утихнуть, как Мо Хань тут же бежал по соседям, выпрашивая у них лёд, чтобы хоть немного облегчить боль от ушибов.

Чи Юэ не ленился спозаранку делать крюк, чтобы принести ему свежий завтрак. Но и Мо Хань по выходным, тайком сбегаая с приютских собраний, покупал горячую еду и вез её Чи Юэ на работу. Тот ворчал для виду, пытаясь скрыть растроганную улыбку, а у самого в душе расцветала весна.

Мо Ханю ведь ничего другого и не нужно было. Он просто хотел, чтобы Чи Юэ после тяжёлого трудового утра поел горячего и улыбнулся ему — той самой улыбкой, от которой у Мо Ханя

каждый раз сладко замирало сердце, сколько бы лет они ни провели вместе.

В такие минуты он верил, что счастливее его нет никого на всём белом свете.

Но в глазах Чи Наня он оставался эгоистом, который лишь беззастенчиво пользовался любовью старшего брата, ничего не отдавая взамен. И всё потому, что после нелепой, внезапной гибели Чи Юэ он не пролил ни единой слезы.

Мо Ханя захлестнуло горькое чувство невыносимого одиночества. Все эти воспоминания, вся нежность, скрытая от чужих глаз, теперь принадлежали только ему. Того, кто мог бы разделить это с ним, больше не было.

«Что имеем, не храним, потерявши — плачем...» — Мо Ханю до безумия хотелось вlepить себе пощёчину. Хотелось напрочь выбить из себя эту дурацкую, напускную гордость, которую он так упрямо хранил перед человеком, любившим его без памяти.

— Прости... — едва слышно прошептал Мо Хань.

Силы окончательно покинули его. Непосильная тяжесть, давившая на плечи, едва не сгибала его пополам. На дворе стоял тёплый май, но Мо Ханю казалось, будто его заживо погребли под толщей ледяной океанской воды.

Прошное рвало душу на части, но он так и не заплакал. Веки воспалились и нещадно горели, зрение затуманила пелена, мешая сомкнуть глаза.

Чи Нань услышал этот тихий, лишённый всякого надрыва шёпот, и лишь крепче стиснул зубы — аж челюсти свело. Шмыгнув носом, он развернулся и бросился прочь. Ему не хотелось находиться в одной комнате с этим бесчувственным человеком ни единой лишней секунды.

Мо Хань немного постоял, пытаясь прийти в себя. Он потёр затёкшую шею, тяжело, со свистом выдохнул и двинулся следом за Чи Нанем, держась на почтительном расстоянии.

Полиция города Си сработала на удивление оперативно. Уже к четырём часам дня тело Чи Юэ доставили обратно в приют, а вместе с тем привезли и добрую весть: убийцу поймали и взяли под стражу.

Директор приюта, несмотря на свои почтенные без малого шестьдесят лет, выглядел бодро. Аккуратно зачёсанные назад иссиня-чёрные волосы блестели, придавая ему строгий, солидный вид образцового руководителя.

Он горячо тряс руку офицера полиции, без конца кивая. В его повлажневших глазах читалась глубокая скорбь по безвременно ушедшему воспитаннику и искреннее уважение к работе органов правопорядка.

— Спасибо вам... Спасибо огромное, товарищи полицейские, за то, что вернули мальчика домой. Умоляю, доведите дело до конца, пусть этот душегуб ответит по всей строгости закона. Пусть мой бедный мальчик там, на небесах, обретёт покой.

Директор был человеком глубоко верующим. Он свято верил, что после смерти праведники попадают в лучший мир, где каждая добрая душа обретает вечную жизнь.

Офицер вытянулся в струнку и отдал честь:

— Будьте покойны, от правосудия никто не уйдёт. Мы проведём тщательное расследование, виновный понесёт заслуженное наказание.

Мо Хань стоял чуть позади директора. Шок от случившегося всё ещё не отпустил его, взгляд блуждал в пустоте. Пальцы его рук, безвольно опущенных вдоль туловища, слегка подрагивали, то и дело задевая швы чёрных брюк. Небрежно вьющаяся чёлка спадала на лоб, застилая половину лица и дробя очертания окружающего мира на зыбкие полосы света и тени.

Рядом неподвижно замер Чи Нань. От них обоих веяло такой беспросветной тоской, что воздух вокруг казался почти осязаемо тяжёлым.

Проводив гостей, директор поспешил в административный корпус. Он созвал весь персонал приюта — воспитателей, поваров, сторожей, — чтобы распределить обязанности и подготовить всё необходимое к похоронам Чи Юэ.

Мо Хань безучастно наблюдал за тем, как сонная тишина приюта сменилась мрачной суетой. Кто-то лихорадочно договаривался о покупке свечей и поминальных венков, кто-то звонил в ритуальную службу, заказывая гроб... Мелькающие перед глазами силуэты людей постепенно начали сливаться в сплошное серое пятно. Вдруг вспыхнула яркая белая искра, и мир окончательно погрузился во тьму.

— Батюшки! Сюда, скорее! — закричал сторож, бросая тяжёлый стол, который тащил в зал. — Сяо Хань в обморок упал! Зовите доктора Жуань!

К нему сразу же бросились люди, в поднявшейся суматохе пытаясь перенести обмякшее тело Мо Ханя в медицинский кабинет.

Чи Нань лишь молча наблюдал за происходящим со стороны. В его не по-детски серьёзном, отрешённом взгляде читалось горькое понимание жестокости этого мира. Он развернулся и ушёл, даже не обернувшись.

Провалившись в беспамятство, Мо Хань увидел Чи Юэ. Его лицо было мертвенно-бледным, а от висков к бровям тянулись жуткие, уродливые чёрные борозды — вылитый призрак, восставший из могилы.

Забыв обо всём на свете, ведомый лишь безумной надеждой, Мо Хань бросился к нему, чтобы крепко обнять, но его руки поймали лишь пустоту. Он упрямо хватал воздух снова и снова, но Чи Юэ каждый раз ускользал, растворяясь и появляясь в другом месте, словно издеваясь над его отчаянием.

Глаза обожгло непролитыми слезами. Глядя, как тает последний призрачный силуэт его возлюбленного, Мо Хань сорвался на дикий, истощный крик:

— Постой!!!

Вырвавшись из удушливого кошмара, Мо Хань резко сел на кровати. Он тяжело дышал, тупо уставившись на свои ладони, которые так и не смогли удержать единственного дорогого ему человека.

За окном давно сгустились сумерки. Из глубины коридора доносились отсветы поминальных свечей — там, в главном зале приюта, для Чи Юэ обустроили поминальный алтарь.

Спустив ноги с кровати, Мо Хань босиком подошел к окну. Прижавшись лбом к холодному стеклу, он замер, вслушиваясь в доносящиеся из полумрака звуки.

Неторопливый, дребезжащий женский голос зачитывал строки из Священного Писания, провожая в последний путь юную душу:

— Дитя моё бедное, упокой Господь твою душу в селениях праведных, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания... Господи, прими его в Царствие Своё Небесное и даруй ему жизнь вечную.

По обе стороны от поминального постамента ровными рядами выстроились белые свечи. Их неровные золотистые огоньки дрожали, отбрасывая на стены скорбные, мечущиеся тени.

В самом центре, в траурной рамке, висела фотография Чи Юэ. Пожалуй, это был единственный его снимок, где он выглядел серьёзным и приличным. Теперь с этого чёрно-белого портрета он безучастно смотрел на живых.

Чи Хань стоял на коленях перед алтарем уже не первый час. Директор несколько раз подходил к нему, пытался утешить, уговаривал пойти прилечь, но мальчик не двигался с места. Он не проронил ни слова, не плакал и не жаловался — просто застыл каменным изваянием.

...

Мо Хань отвернулся от окна. Быстро стерев выступившие на глазах слёзы, он забрался обратно под одеяло и закрыл глаза, проваливаясь в глубокий, тяжёлый сон. В глубине души он всё ещё надеялся, что Чи Юэ снова придёт к нему хотя бы во сне.

Гроб с телом Чи Юэ простоял в приюте три дня. На исходе третьих суток, под скорбные взгляды провожающих, траурная процессия покинула ворота приюта, унося его прах прочь. Осенний ветер закружил сухие багряные листья клёна, замечая следы того, кто ушёл навсегда.

Время безжалостно бежало вперёд. Дни сменялись днями, и траурная мгла, окутавшая приют «Красный клён», постепенно рассеивалась. Жизнь продолжалась — согретая надеждой или лишённая её, она всё равно текла своим чередом.

Единственное, что изменилось: Мо Хань теперь просыпался на рассвете. Денег на покупную еду у него не было, поэтому он вставал пораньше, шёл на кухню, наливал в тарелку Чи Наня сваренную поварихой рисовую кашу и ждал, пока она остынет, точно рассчитывая время, когда нужно будить мальчика умываться.

Чи Нань безропотно подчинялся новому распорядку: ходил в школу, возвращался домой, молча делал то, что велел Мо Хань. За несколько дней между ними не возникло ни единой ссоры. И всё же мальчик по-прежнему упорно игнорировал любые попытки заговорить с ним, а за пределами приюта и вовсе делал вид, будто они незнакомы.

Мо Хань относился к этому философски. Пока Чи Нань не переходил черту, он позволял ему упрямиться сколько душе угодно. Чи Нань часто шёл по улице, уткнувшись в землю, и переходил дорогу напролом, не глядя по сторонам. Мо Хань успевал — хватал его за шиворот, не успевал — просто облегчённо выдыхал, когда всё обходилось без происшествий.

В конце концов, даже покойный Чи Юэ не особо баловал младшего брата строгим воспитанием. Мо Ханю он и вовсе не приходился родственником. То, что он присматривал за сорванцом, уже было верхом благородства, так что требовать от этого упрямого волчонка благодарности было бы глупо.

На седьмой день после гибели Чи Юэ, когда Чи Нань ушёл на вечерние занятия в школу, Мо Хань читал у себя в комнате. Неожиданно в дверь негромко постучали. На пороге стоял заместитель директора по воспитательной работе Чжан.

Увидев его, Мо Хань вежливо поинтересовался:

— Директор Чжан? Что-то случилось?

Лысая круглая голова Чжана лоснилась, жирное лицо расплылось в приторной, сальной

улыбке:

— Сяо Хань, зашёл вот провести тебя. Как ты поживаешь в эти дни? Всё ли хорошо?

Мо Хань уловил исходящую от него угрозу. Этот человек, обнажавший в широкой улыбке гнилые жёлтые зубы, занимался лишь их воскресным воспитанием. В обычные дни он едва кивал при встрече, а уж о том, чтобы лично зайти в гости, и речи быть не могло. Подобный визит посреди недели не предвещал ничего хорошего.

Но портить отношения с руководством приюта не следовало, поэтому Мо Хань вежливо ответил:

— Всё в порядке. Спасибо за заботу, директор Чжан.

Чжан выпростал из-за спины пухлую руку и бесцеремонно похлопал Мо Ханя по плечу, даже не думая убирать ладонь:

— Как же не заботиться! Я ведь знаю, какими близкими вы были с Чи Юэ. Его больше нет с нами, но ты не должен изводить себя горем. Если возникнут трудности с учёбой или в быту — сразу иди ко мне. Я всегда помогу, чем смогу.

Мо Хань молча кивнул и осторожно отступил назад, пытаясь высвободить плечо из липких объятий. Однако Чжан словно не заметил намёка. Стоило Мо Ханю отстраниться, как тот шагнул следом, сохраняя масляную, якобы доброжелательную улыбку.

Сердце Мо Ханя ушло в пятки. Он сделал ещё один невольный шаг назад, совершив роковую ошибку — Чжан тут же проскользнул внутрь комнаты. Дверь за его спиной со щелчком закрылась.

Поняв, что дело принимает скверный оборот, Мо Хань попытался обойти Чжана и прорваться к выходу. Но тот намертво преградил ему путь. Мерзавец заглядывался на Мо Ханя ещё с тех пор, как мальчишке исполнилось четырнадцать. Тогда его планам помешал Чи Юэ — они с Мо Ханем были неразлучны, и Чжан, при всей своей похотливости, просто побоялся действовать открыто. Но теперь защитника не стало, и похотливый боров решил, что настал его час.

— Ну куда же ты, Сяо Хань? — заговорил Чжан вкрадчивым, похожим на евнушечий писк голосом, от которого Мо Ханя едва не вывернуло наизнанку. — Разве тебе не хочется поговорить со мной по душам? Знаешь... из всех ребят в приюте ты мне всегда нравился больше всех. Такой послушный, такой ладный...

Стараясь держаться как можно дальше и подавляя подступающий гнев, Мо Хань твёрдо произнёс:

— Спасибо за добрые слова, директор Чжан. Но уже почти восемь вечера, мне пора идти встречать Сяо Наня из школы.

— Куда торопиться? — Чжан ухмыльнулся. — Чай, не маленький, не съедят его по дороге. Остайся со мной, забудь ты про этого мальчишку.

Стоило им остаться наедине, как вся напускная благопристойность Чжана слетела, обнажив его мерзкое нутро. Понимая, что если он не выберется отсюда прямо сейчас, то случится непоправимое, Мо Хань пошёл на хитрость:

— Но директор сам велел мне забрать его ровно в восемь. Он ждёт нас на ужин!

Чжан недовольно насупился:

— Директор ужинает с вами? Почему я не в курсе?

Мо Хань убедительно закивал:

— Да, он сказал, что ему нужно зайти в химчистку возле школы за вещами, вот он и решил заодно забрать Сяо Наня, а потом покормить нас. — Мо Хань с преувеличенной тревогой взглянул на часы. — Директор Чжан, без пяти восемь уже. Если я опоздаю, директор будет очень недоволен...

Поняв, что сорвать куш сегодня не удастся, Чжан раздосадованно почесал плешистую макушку. Его и без того узкие свиные глазки превратились в едва заметные щёлочки. Поколебавшись секунду, он процедил сквозь зубы:

— Ладно... иди.

В его голосе сквозило неприкрытое разочарование.

Мо Хань вежливо поклонился и, стараясь не выдать охватившей его паники, спокойным, размеренным шагом вышел из комнаты.

Стоило ему пересечь порог приюта и оказаться на ночной улице, как он со всех ног бросился к воротам. Бешеное сердце колотилось в груди где-то у самого горла. Мо Хань остановился лишь у забора, тяжело переводя дух и пытаясь унять дрожь во всём теле.

«"Проведать" он меня зашёл, тварь похотливая! Видел я твою "заботу"!»

Какое счастье, что у него хватило ума на ходу сочинить эту байку. Иначе этот старый

извращенец точно распустил бы свои грязные руки.

ТЬфу, мерзость какая.

И ведь купился, дурак! Тоже мне, великий заговорщик. Директор приюта отродясь не пользовался услугами химчисток — все его вещи стирали прямо в приюте.

Мо Хань презрительно сплюнул. Надо же, с таким убогим умишком умудрился дослужиться до зама по воспитательной работе. Позорище, да и только!

<http://bllate.org/book/19807/2028560>